

День города, или Шизографомания ПО-МОСКОВСКИ (На разлив с подтанцовочкой)

У кого под перчаткой не хватит тепла,
Чтоб объехать всю курву-москву.

Осип Мандельштам

А ведь это то, во что я верю! Вот в то, что я ношу на шее! Все эти цапки, эти пецки! Вот в это сердце, якорь, крестик. Звезды Давида, картавость веток — все это золото, и эта скрепка вместо застежки...

Дробно постукивали слова, не складываясь стихом, но претендую нести в себе готовность к рифмовке... Отсутствие внешнего слуха услышать рифму — сплошная мука. Внутренний слух для этого не годится. Внутренний слух для другого предназначен. Он не разделяет слова на смыслы. Он смысл словами организует и выпускает через выдох в мир ушей. А уши не слышат:

— Мама, зачем ты рифмуешь то, что можно сказать просто?

— Значит, плохо рифмую, Ромка. Когда хорошо — вопросов не возникает.

Восьмилетний Федька заступился:

— В стихах все бывает, в стихах даже муравьи летают. А в разговоре — нет...

— А в разговоре — нет, — повторяю следом.

В разговоре крыл не вырастает. Хочешь об этом поговорить? Речью не разговорной, подразумевающей собеседника. Литературной речью, в собеседнике не нуждающейся. К чему нам внешний диалог? Читатель пусть читает молча. Хаваает. Хомячит. Переваривает. Да пусть хоть в белых тапочках!

Главное — суметь сказать. И не успеть отречься. И не главное то, на что читатель хочет ответить. Отвечают на то, чего услышать не хотят.

Вот и определена задача на сегодня: сказать не читательское. А пошел бы на фиг он. Если такой умный, пусть сам сработает гембель на всю свою читательскую голову.

Утро на редкость выдалось непутевое. Лежу, глаза чешутся от пережитого вчера: день слился с полночью, свернул зрение, сплющил глаза, вот

и чешутся. Сейчас душ приму, вспомню о будущем — это я о Ромке с Федькой, — надо позвонить, узнать, как они в дне нынешнем поживают. Особенно Ромка, птица вольная, бестолковая. И особенно Федька, птица с любовью и долгом, птица, на крыле несущая...

А почему жизнь и литература — явления перпендикулярные? И почему говорят: в этом тексте кончается литература и наступает жизнь? Дети — фоном, город выпукливается, как серпом по Моуди, и жизнь после жизни — загадкой для критика! Не вопрос! Потому что критика — продажная девка литературы. А писатель — нет. Литературоведы забыли, что литература не хреном сделана, а именно пальцем. Социальным средним, так ЗК объясняли, когда — отсидев, домой возвращались, а за спинами их, как кулечки, — байстрюки в лунных люльках качались... Ручками, ручками, но — с душою сделаны совковые дети... А жизнь и творчество едины. Сакрал и жизнь неразделимы. И если кто ушел на хрен, то результатом будут дети, что может чище быть на свете? Ах, извините, жизнь и творчество, как жизнь и смерть, неразделимы, но и большие две разницы. Кто б сказал, что первично, что даром... Небывалым по замыслу Даром.

Ничему не удивлюсь — все публично. Что говенно, то проктологично. И конечно, и несомненно, что для многих симптоматично... Незабвенно и очень лично! А вот в лучшее не поверю, потому что суеверю. Доживем — увидим День города. Ну, а критику отожем. Потому что не первый год замужем и в стране пролетарски живем.

Кто о чем...

Погулять мы решили. Никого с утра не пришли в этот день... А вот к вечеру — было. Не одна набухала могила ожиданием...

Случайно позвонил конь. Кто-кто? Как ни банально, конь в пальто. А у меня Подруга гостила. И вот вышли мы на улицу, в День города попав.

В начале разбега — конкретно — троллейбуса нет, и машинам путь перекрыт. А по Садовому кольцу милиционеры по трое бегут, а может, на троих — эстафетники! И судьи стоят на перекрестках, фиксируют.

Мы идем среди там, но по адресу, как в песне: "Где мои семнадцать лет? На Большом Каретном".

Строение номер раз — дверь подвала, нужного нам, распахнута. В проеме — конь и Она. Пальто коня на ней.

Пили мы, разумеется. Торбу пива и бочонок еще приволокли. Ну и как тут без скандала? Не обошлось. Она сказала:

— Козел!

Он поправил:

— Конь!

Она сказала:

— Сволочь!

Он поправил:

— Бывшая.

Она сказала:

— Не бывает бывших.

Он перебил:

— Это у порядочных. А я — бывший.

А Она завизжала:

— Это я непорядочна?!

Он сказал примирительно:

— Пусть я.

Она громкнула:

— Выйдем!

Они пошли. А мы — следом.

На крылечке сидели сапожник, портной, царь, царица... Черепица съехала с крыши соседнего гаража. Грохот разбудил бомжа. За бомжом пришла собака. А над нами — облака... Высоко они, однако. К ним протянута рука...

Это Она ее протянула.

Вдруг Подруга говорит:

— У меня душа болит. Здесь облом, вокруг облом, надоело в небо лбом.

...Пес завыл, а бомжик вслух:

— Ты мне друг? А кто мне друг?

А Она и говорит:

— Песа хорошая. Псина бомжовая... Надо дать в морду.

Пошла буром на бомжа. Я пошла в обратном направлении.

В подвале пахло пивом и толчком. Толчок устроен так: три ступеньки вверх ведут, к унитазу. Никакой тебе дверцы, потому сидишь, дергаешься, вдруг кто мимо царского этого стульчака пройдет и оглянется на зад debilный, вот и ссышь мимо, вот и пахнет пивом... А точнее, могилой: тянет прелью по углам. Чай зеленый пахнет. Чашки чайные хранят недомытый запах.

Конь оглянулся, подошел... Сразу с толчка столкнуло...

Сидела Подруга в кресле, на чай остывающий дула. Подруга сказала:

— Пора.

И мы подорвали. Ура! Двора мы не видели вовсе. Спешили. Собака растерянно выла; и бомжа вбирала могила, и "скорая помощь" примчалась; и пахло сортиром. А доктор смотрела болтливо. Хотела, чтоб мы испугались. И мимо мочилы промчались.

Мы были светлы изнутри и снаружи. И мы каравеллами плыли по лужам, а с неба все лило и лило. Мочило.

Мочило сбежало куда-то. Мы следом слились... нас влачило по парку ЦПКиО. Нас сдуру сюда забрело...

Звонил конь, сообщал:

— Она в магазине, а я снаружи. Она звезданулась, бьет пивные бутылки, хай стоит, милиция, людья понабежало! А меня не пускает охрана. Витрина вдребезги. Молдаване, кричит Она во все стороны, у вас одна извилина, и та от фуражки. Вы — сила, что менты, что продавцы — все вы потребляете, сколько за душу мою? Всех вы покупаете. И вдруг — по фейсу продавцу. Что делать, что? Ее увозят, по пальцам дверью поелозив, — рыдает конь. — И — звон витрин... и мат летит, как из перин.

Что было делать? Мы сбежали. Я говорю:

— Не наши обезьяны. Не станем на себя их вешать.

А Подруга отвечает:

— Детку жалко. Она отвела девочку в гости. Ребенок не дождетса маму. Конь сказал, она ему дочку родила. И ответственные они, но они теперь больны бестолковой жизнью... До тюрьмы и до сумы с каждым днем все ближе...

Сегодня день не задался. Она с ума сошед... Когда съехала черепица с гаража, а Она пошла буром на бомжа, крыша набекренилась, звякнула, сообщив:

"Уже опять к границам сизым
Составы тайные идут,
И коммунизм опять так близок,
Как в девятнадцатом году".

Пора в дорогу, на облако. Или к астрологу. Тут-то Она и оглянулась, добавила:

— Я мастер спорта международного класса, полуармянка из Тбилиси, как киллер, стреляю параллельно земле, в каблук попадаю. И бомжа я ща приложила уже.

А Подруга, когда чай студила, сказала:

— Упал бомжик плохо, когда Она толкнула его "скорой помощью". Так собаку жалко... Бегала, растерявшись.

Тут в дверь долбанули два раза:

— Это, — сказала я, — всего-навсего "скорая помощь". Не бойтесь, в этом дурдоме сумасшедшая только Она — комсомолка международного класса, попадающая в каблук лучница из Тбилиси, полукровка, презирающая бомжей.

— Нас, — говорила, — травили грузины. Застольями. Блудливые, как "скорая помощь", увозящая бомжа органы. В органы! Я настаиваю на этом, — сказала Она. — Не достать им меня из подвала. Не увезти в дурдом, обезьянник. Не навесить люлей-кебабов мне, умеющей много больше — обминающей баобабов широту и провинций у моря запах помнящей... Болью мне больно!

Да. Увезли в ментуру эту армянскую дуру с чисто русской фамилией.

— Аааай! — орала Она. — Лимита поганая! А я Ануш Петрова! — и ку-сала капитана из Хамовников за руку.

А рука мента, ее кисти хрупкие прихватив сначала наручниками, дверью бобика позже пристукнула.

Крови пролилось — до Петровки долилось. Это вам не реальность тридцатых века прошлого — это день века нового, двадцать первого, где всяк будет без дела — победово в нашем дурдоме сумасшедшим! Да хоть этот вот — в сером и хрупкий, с двуглавым вихром на макушке, в кобуре что хранит прибаутки... "Где мой черный пистолет?" — побрякушкой.

— Ушки прочисть, глухарь, ушки! — кричала Ануш не по-русски.

Она была почти холодна от горячей кавказской крови...

— Ключнул, ключнул его жареный петух в маковку! — орала нацменски с ума сошедшая. — Пива перелил! Жизнь мне перепилил...

Красивая, как весь Кавказ сразу. А стреляет как! Вдоль и в каблук, вдоль и в каблук. Лук в ее руках. Горца лук. Мастер спорта она. Мастер класса. Что там Армения-Грузия-женщина с гор Кавказа... в черном, трагичная, как выжившая героиня Советского Союза...

Так, провинция древних гор... Там, там сплошной разор... Воробьевых гор, разумеется.

...мы ж по... Хамовникам проносились, въехали с Ленинского проспекта в глухую такую халтуру, что некуда стало деться. У нас оборвалось сердце испугом за эту диву, попавшую сдуру в ментуру... Вот и пришлось спасать нелегалку эту, понаехавшую из Тбилиси к семи холмам и застрявшую в обезьяннике в Хамовниках. Нет, не вытащить ее из нагулянных из пятнадцати суток нам...

Ее пришили к месту суровой ниткой закона, мобильную трубу оставив, чтобы не задохнулась отработанными газами, ведь пучило ее, мучило, пиво было, зараза, паленое, жигулевское было пиво. А толчок-то остался там, на Большом Каретном, на три ступеньки выше, чем нары в милиции Хамовнического райотдела столицы.

Такие вот дела полуночные, темные. Кровь у нас брали суки в ГИБДД ЦАО, белые мяли руки... Что это было?

Было. Праздновал город рождение. День города остывал... Всех по местам отсылал.

Дома очнулись с приветом. Утро красило нежным цветом. Ночь была и прошла. Просыпалась Москва. Кремлядь чистила перышки, ела, в промежутках играла с компьютерной мышкой, напевая сквозь зубки: О, эти розовые ушки, они как розовые мышки, совсем малышки... Ах! Не целуй-те ей подмышки...

До свиданья, День города! И — и спасибо тебе за это: первый выходной сентября. Пиво выпито, смыслы слиты... ЗАЛИТОВан текст, и не зря! Критики щупальца тянутся ливнями скучными, это закончилось лето. Литературное, мля...

Москва

